

создаваться там, где гибли тысячи солдат или покоятся их останки. Приемлемо создание познавательно-развлекательной функции в зданиях штабов, складов и пр.

2. Все существующие исторические сооружения должны быть полностью сохранены. Возможно восстановление утраченных фрагментов или сооружений методами современной реставрации с учётом требований международных документов по сохранению и восстановлению историко-культурного наследия, нормативно-правовых актов, действующих на территории Беларуси. Сохраняться (воссоздаваться) должны не только сами сооружения – их внешний облик и внутренняя планировка, но и сама историческая среда. Также важно сохранить все элементы инженерно-технического оснащения и наружного благоустройства, дошедшие до наших дней. Даже при невозможности использования данных элементов, они могут стать достойным экспонатами.

3. Объекты военного наследия, используемые в целях туризма, должны быть максимально доступны для посетителей. Со всех близлежащих магистралей к ним должны вести подъездные пути, позволяющие подъехать не только легковым автомобилям, но и туристским автобусам. Автостоянки должны проектироваться из расчётной вместимости туристского комплекса. На стоянках необходимо предусматривать места для инвалидов (4% от общей вместимости) не далее 50 м от входа. Все объекты историко-культурного наследия и туристской инфраструктуры должны быть связаны удобными пешеходными связями. Ко всем зданиям и сооружениям обеспечивается проезд для спецтехники по внутренним проездам либо по пешеходным дорожкам (шириной не менее 3 м).

Все исторические здания и сооружения, а также объекты туристской инфраструктуры должны быть доступны для категории физически ослабленных лиц (пандусы, подъёмники, ширина проходов, с/у). В крупных туристских комплексах желательно предусматривать прокат велосипедов, сигвеев, электрокаров и пр. Стоянки для них должны быть не только при въезде, но и у основных объектов, посещаемых туристами.

4. Вдоль всех туристских маршрутов необходимо создание эффективной информационной среды, включающей указательные знаки, информационные табло с указанием направления движения и расстояний до объектов историко-культурного наследия и туристской инфраструктуры, схемы туристских маршрутов. На подъездах (подходах) к памятникам фортификации необходимо размещать стенды с информацией об этих объектах – их истории, значении в общей системе фортификации в стране, участии в боевых действиях, связи с известными людьми и т.п.

Создание объектов туризма на основе памятников и памятных мест Первой мировой войны позволит сохранить эти объекты, повысить туристский потенциал нашей страны и, что самое важное, привлечь внимание к историческим событиям, героическим личностям и инженерным сооружениям этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь в годы Первой мировой войны / В.Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 398 с. : ил.
2. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772-1941) / С.А. Пивоварчик – Мн.: ГрГУ, 2006
3. Основы стратегического планирования развития инфраструктуры регионального туристского комплекса / М.В. Виноградова и др. М.: Маркетинг, 2006. 98 с.
4. Германские позиции 1915-1918 г.г. на Восточном фронте // Н. Шелавин. Война и Революция. – 1920. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.fortress.by
5. Потаев, Г.А. Преобразование и развитие городов – центров туризма / Г.А. Потаев. – Минск: БНТУ, 2010. – 227 с.

ГЛАДЫЩУК А.А.

Доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой физики Брестского государственного технического университета, г. Брест, Беларусь

БЕРЕСТЕЙСКИЙ ЗАМОК – ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРТЕЦИЯ БЕЛАРУСИ

В работе на основании исторических сведений и анализа результатов археологических раскопок Берестья и других документов впервые сделана попытка реконструкции основных этапов строительства древнейшего замка Беларуси – Берестейского замка. Выделен термин «Малый замок», относившийся к замку на первом этапе его существования. Впервые приводится текст так называемых «Accords-Puncta» - «Соглашения-пунктов» передачи города и замка шведам и венграм в 1657 году. Сообщаются свидетельства разрушения Берестейского замка и уничтожения города в 1660 году. Приводится инвентарь замка 1668 года.

Предисловие

Во второй половине XII столетия Берестье в летописях древней Руси [1] часто упоминается в связи с именем князя Владимира Андреевича, сына Переяславльского князя Андрея Владимировича (Мономахича) Доброго, который был посажен на княжение во Владимире Изяславом Мстиславичем при переходе на киевский великокняжеский престол в том же 1146 году. В 1153 году после своих военных неудач Изяслав Мстиславич бежит обратно во Владимир, а Владимира Андреевича переводит в Берестье и Дорогичин на Буге. Хотя вскоре тот, видимо, лишается Берестья, потому что летописи сообщают о присоединении к его дорогужским владениям

Берестья вновь уже в 1157 году вместе с Пересопницей и Бужском шестым сыном Владимира Мономаха великим князем киевским Юрием Владимировичем Долгоруким, который в 1147 году основал Москву. Другими словами, к моменту основания Москвы, так сильно впоследствии влиявшей на судьбу нашего города, Берестье являлось укрепленным городом на порубежье земель древней Руси, на что указывают частые упоминания города в древнерусских летописях и сообщение о смерти в Берестье в 1173 году князя Святослава Мстиславича, брата галицко-волинского князя Романа Мстиславича.

Именно на это время приходится ослабление великокняжеской власти и раздробленность Киевской Руси, в то время как начинает крепнуть Галицко-Волинская земля, а Берестейская земля, практически готовая к выделению в самостоятельное княжество, попадает в сферу влияния теперь уже владими́ро-волинских князей. Не остаётся в стороне от своих постоянных притязаний на Берестейскую землю и Польша. Это обстоятельство хорошо подчёркнуто известным польским историком, хронистом и поэтом Матеем Стрийковским в его главном труде «Хроника польская, литовская, жемойтская и всей Руси» [2] – первой печатной истории ВКЛ, изданной в 1582 году в Крелевце (Кёнигсберге).

В короткой главе «O wojnie polskiej z Rusią» М. Стрийковский пишет: «После 1179 года, Казимир Второй, названный Справедливым, сын Болеслава Кривоустого, князь польский, видя погоду [хорошие условия] для похода на князей русских, когда они сами с собой лбами бились, наехал на их земли, смежные с Польшей, которыми частью подчинением, частью силой овладел, как Берестьем, которое сегодня зовётся Литовским, Владимиром, Дрогичином и Пшемыслом, как пишут об этом Длугош и Меховиус. Но Винцентий Кадлубек, первый польский хронист, при жизни которого эти события происходили, не упоминает, чтобы Казимир в то время завладел такими обширными землями Русского государства, разве что только Берестьем Литовским, которое от Польши к Руси перешло, этот Казимир, собравшись с войском, возвратил земель не больше, чем показывает Кромер. А князья русские, помирившись, согласно летописцам руским и литовским, также не дали долго полякам владеть землями своими, и поэтому, будучи в согласии (при котором государства увеличиваются), своё отобрали и несколько замков польских урвали» [2].

Первое письменное упоминание Берестейского замка

После краткого, но вполне понятного вступления Матей Стрийковский делает очень важное для нашей темы сообщение, которое приведём вначале на языке источника [2]: «Zatym też Brzeście Litewskie, roku od narodzenia Christosa Pana 1182, z posłuszeństwa się Polskiego wybiło i wszystek on kraj do Ruskiego przelożenstwa znowu przystąpił. Co słyszac Kazimirz, xiąże Polskie, obległ Brzeście, i dobywszy go za 12 dni sturmem ustaniecznym, winniejszych na gardle skarał, i zamek nad miastem zbudował, który Polskimi żołnierzami przeciw Rusakow osadził, jako Długosz, Miechovius fol. 103, Wapowski, Bielski fol. 248, świadczą».

Перевод на русский язык приведенного сообщения звучит следующим образом: «Вскоре также и Берестье Литовское, в год от Рождения Христоса Господа 1182, из-под подчинения польского отбилось, и весь этот край снова перешёл в русское подчинение. Это услышав, Казимир, князь польский, обложил Берестье, и взял его за 12 дней непрерывного штурма, виновных покарал смертью [то ли повесил, то ли обезглавил], и замок над городом построил, который польскими воинами против русаков осадил, как Длугош, Меховиус, Ваповский, Бельский свидетельствуют».

Так как это событие ещё раньше описал Ян Длугош [3], польский историк и дипломат, секретарь краковского кардинала З. Олесьницкого, в своей многотомной «Истории Польши», которую написал в 1460-1480 гг. и на которого ссылается М. Стрийковский, то следует заглянуть и в этот источник. Я. Длугош сообщает [3]: «Лета Господня 1182. Казимир, князь и монарх польский, узнав о выходе из-под послушания Берестейской земли и её столицы, расположенной над рекой Буг, сразу же взялся за оружие и, собрав войско как конное, так и пешее, быстрым маршем прибыл под Берестье (Brześć), обложил его и через двенадцать дней взял его силой. После чего главных виновников мятежа (rokjoszu) покаравши смертью, и замок над городом (grodek nad miastem) поставивши, обеспечил его сильным отрядом, чтобы удержать народ в послушании под страхом наказания».

Не обсуждая политическую составляющую события, заметим, что хорошо вооружённое польское войско 12(!) дней непрерывно штурмовало город и его наилучшим образом укрепленную часть. Сомнений нет, замок, хорошо укрепленный замок, к этому времени в Берестье уже существовал, как и сама Берестейская земля-княжество, на что указывает Я. Длугош, и полякам пришлось замок основательно разрушить, чтобы штурмом им овладеть и жестоко наказать защитников города. Напомним, шёл 1182 год. Это первая дошедшая до нас хроника беспримерной защиты своего города берестейцами от внешнего посягательства, впереди их будет ещё много. Заметим, никто из маститых польских хронистов не называет Берестье того времени польским городом, так как таковым он никогда не являлся.

Не лишним будет отметить, что в «Великой хронике о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв.» [4] Берестье упоминается только один раз и как раз в связи с вышеизложенными событиями, где в главе 39 «Каким образом Казимир побеждает русских» отмечено: «Случилось так, что город Руси Берестье, отказавшись от повиновения Казимиру, перестал выплачивать обычные подати и стал готовить оружие для сопротивления Казимиру. Последний, собрав отряд храбрых воинов, в году от Р. Х. 1182 пошёл против него и его князя и внезапно мужественно его [город] атаковал и захватил».

Польская, заметим, а не хроника Руси однозначно утверждает, что Берестье являлось городом Руси и даже имело собственного князя, который заведомо укрепил город и подготовил его к защите. Другими словами, город к тому моменту без сомнения имел хорошо укрепленный замок, иначе не объяснить 12-дневной упорной обороны. Приведенная выше фраза из польской хроники также проясняет, что Берестейская земля находилась в то время не во владении Казимира, а в его повиновении, т. е. вассальной зависимости, что далеко не одно и то же. Конечно, чтобы город подчинить себе, Казимиру пришлось разрушенный штурмом замок заново отстроить и оставить в нём польский гарнизон, о чём в хрониках и сообщается. Но как бы там ни было, Берестейский замок именно с 1182 года именуется замком и отсчитывает уже собственную хронику своих дальнейших событий.

Исследователь белорусских замков М.А.Ткачѳв [5] по непонятной причине сведений польских хроник в отношении Берестья не приводит, а относит строительство укреплений Берестья к 1259 году. Но, тем не менее, будет не безынтересно взглянуть в указанных монографиях М.А.Ткачѳва на даты первых письменных упоминаний других белорусских замков: Новогрудский замок – вторая половина XIII в., 1274 г.; Каменецкая вежа – между 1276 и 1288 гг.; Городненский замок – XIII в., 1277 г.; Лидский замок – 1323 г.; Крѳвский замок – 30-е годы XIV в., с 1338 по 1345 гг. в замке жил Ольгерд Гедиминович; Менск – XIII в., но письменное упоминание только в 1434 г.; Орша – 1397 г.; Полоцкие замки – в середине XI в. возведѳн Софийский собор, никаких описаний укреплений XIV- XV вв. не сохранилось, сообщается только о «Волковой башне» в документах XIV в.; Гольшанский замок – с XIII в.; Витебск – первая половина XIV в. «3 стены камены», 1351 г.; Мстиславль – 1358 г.; Кричев – 1358 г.; Слуцк – 1409 г.; Гомель – XIV в., 1406- 1419 гг.; замок в Геранѳнах – предположительно в 1493 г.; Бобруйск – 1502 г.; Мирский замок – 1506- 1510 гг.; Борисов – 1514 г.; Могилѳв – 1526 г.; Мозырь – 1528 г.; замок в Любче – 1580-е гг.; Заславский замок – XVI в.; Несвижский замок – XVI в.; Быхов – 1590 г.; замок в Смольянах – 20-е гг. XVII в.; Гайтѳнишки – 1613 г. и т. д.

Отсюда следует, что если Софийский собор в Полоцке считать всё же собором, а не замком, то Берестейский замок имеет все шансы возглавить список белорусских замков. Осталось заглянуть только в монографию П.Ф. Лысенко «Города Туровской земли» [6]. О самом Турове, как известно, летопись сообщает под 980 годом, но, как заметил П.Ф. Лысенко, отголоски сведений о замке Туровском имеют пометку лишь 1725 годом. Кстати, П.Ф. Лысенко, ссылаясь на хронику М. Стрийковского, первое упоминание о замке в Берестье под 1182 годом, как последнее упоминание Берестья в XII веке, называет. Всё сказанное указывает на то, что Берестейский замок является действительно древнейшим, если не самым древним замком Беларуси. К сожалению, даже «Энциклапедыя ВКЛ» это обстоятельство игнорирует [7].

Малый замок князя Владимира Васильковича

Следующий этап строительства Берестейского замка летописи Руси [1] связывают с именем выдающегося владимирово-волинского князя Владимира Васильковича, куда относилась в то время и Берестейская земля. Подробное перечисление добрых дел князя Владимира Васильковича в летописи, которое является весьма ценным как для науки, так и для исторической памяти, помещено на нескольких страницах. Для нашего повествования важно, что летописец начинает его с Берестья [1]: «**Князь же Володимеръ, въ княженіи своемъ, многы города зруби, по отци своемъ: зруби Берестій и за Берестіем зруби городъ на пустомъ мѳстѳ, нарицаемѳмъ Лыстнѳ, и нарече имя ему Каменецъ, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ камень, выотою 17 сажней, подобень удивленію всѳмъ зрящимъ на нь...**».

П. Ф. Лысенко [8] обращает внимание, что вскоре после смерти своего отца Василько Романовича (1271) и в начале своего княжения (1272) Владимир Василькович мог заняться сооружением оборонительных укреплений Берестья. Сомнений в этом летописная запись не оставляет, к тому же она стоит первой в перечне важных деяний князя, а летописец, как подчѳркивают многие исследователи, был хорошо информирован о всех делах владимирского князя, поэтому перечисление своё он и мог начать с первого важного дела, которое князь оставил после себя. Несколько только смущает осторожность именитых учёных в отношении к употребленному в летописи словосочетанию «**зруби Берестій**». Всё же что «зрубил», в смысле построил князь Владимир Василькович – город, городские укрепления или замок, употребив термин (вместо «замок») «город»? Принимая во внимание непримиримость князя к ятвягам, которые не давали ему покоя именно со стороны Берестья, можно также осторожно предположить, что в городе, который к тому времени несомненно существовал, князем Владимиром Васильковичем был заново отстроен замок – основная укрепленная часть города, что, безусловно, не могло не затронуть и прилегающие к замку строения мастеровых людей, исконно под замком проживающих. В любом случае из-за важного стратегического значения Берестья при Владимире Васильковиче становится одним из важнейших городов княжества, а замок, что очень важно для его дальнейшей истории, – его княжеской резиденцией.

В конце длинного списка добрых дел князя Владимира Васильковича, перечисленных весьма подробно, летописец снова возвращается к Берестью [1]: «**В Берестіи же създа стлпъ камень, выотою яко и камее- нецкый; постави же и церковь святого Петра, и еуангеліе да опракошьоковано сребромъ, и служебныя съсуды скованы сребрены, и кадилница сребрена, и крестъ въздвизалный туто положи; и инаа многаа добродѳянія съдѳа въ животѳ своемъ, яже словуть по всѳмъ землямъ. Туто же положимъ конецъ Вълодимерову княженію**».

Древняя летописная запись «в Берестіи же създа стлѣпь камень, выотою яко и каменецкый» однозначно повествует о возведении в Берестейском замке самой древней каменной вежи. Но и по сегодняшний день нет единого мнения ни о её форме, ни о её точной локализации, хотя, казалось бы, есть вежа-двойник в Каменце, которая к счастью сохранилась. Тем не менее, в 1270-х гг. Берестейский замок обретает не только каменную вежу, но и особый статус княжеской резиденции.

Задумывался ли кто из нас, стоя у ограждения открытого раскопа археологического музея «Берестье», куда это могли вести три уличные мостовые XIII в., имеющие примерную общую ориентировку запад-восток? Ведь, правда, не совсем логичным выглядит их направление, как-то в сторону от большого острова, который несомненно в то время уже был заселён и представлял собой окольный город. Ответ находим у самого П. Ф. Лысенко [9]. У северной мостовой, это там, где вход в музей, при раскопках был обнаружен частокол с северной стороны улицы, сооружённый из дубовых колотых полукруглых плах шириной 28-37 см. Эти дубовые плахи имели плоские основания и установлены были плотно друг к другу, образуя мощнейший частокол. Задумаемся, для чего это вдруг понадобился мощный частокол вдоль улицы?

Чтобы понять это, приведём полный текст, относящийся к данной теме, из книги «Открытие Берестья» [9]: «После завершения раскопа 1975 г. были начаты работы на новом участке, примыкающем к раскопу 1974 г. с восточной стороны. Здесь также продолжала вскрываться северная улица, но в раскопе 1976 г. она отклонилась к югу, навстречу центральной улице, с которой она, возможно, и сливалась за пределами раскопа». Отметим, значит, по мнению археолога, улицы вдруг, это за восточной стеной музея, могут сливаться, значит, имелась веская причина для этого. Продолжим следить за текстом книги «Открытие Берестья» [9]: «Мы выяснили, что вдоль её северной стороны уже после того, как улица перестала существовать, был установлен мощный частокол из толстых (до 40 см) дубовых плах, образующих сплошную стену». Так это же укрепление, скорее всего, замковое укрепление! Вполне логично предположить, что оно могло относиться к замку XIII столетия, который отстраивал Владимир Васильевич. Тогда выходит, что П.Ф. Лысенко нашёл не только город XIII в., а «зацепил» и его главное укрепление – замок!

Продолжим следить за текстом книги [9]: «Плахи в сечении имели Т-образную форму. Нижними концами они были вкопаны в землю и прорезали первый и второй ярусы уличной мостовой (деревянные спилы – дендрохронологический анализ – северной мостовой 1-го яруса датируются 1335 годом, а спилы из 2-го яруса – 1300 годом; ярусы отсчитываются сверху вниз). Подобный частокол был вскрыт и в более ранних пластах, где он вплотную примыкал с северной стороны к третьему ярусу уличной мостовой». Т.е. дендрохронологический анализ прямым образом подтверждает высказанное выше предположение.

Читаем далее [9]: «За частоколом располагались остатки какой-то постройки, рубленной в «простой угол» из толстых (около 40 см) сосновых брёвен (вскрыт только угол). Сочетание мощного частокола и мощной постройки наводит на мысль, что это были остатки какого-то внутреннего оборонительного сооружения, может быть башни-донжона».

Заключает П.Ф. Лысенко свои рассуждения следующими словами [9]: «В этом же направлении заметно всплывает культурный слой, как будто подымаясь на склон возвышенности, на которой могла быть возведена башня. Восточный участок северной улицы также круто поднимается на эту возвышенность. Однако и возвышенность, и башня остались за пределами раскопа», – с некоторой грустью расстанется П.Ф. Лысенко со своим, явно недоведенным до конца, открытием.

Нет сомнения в том, что замок XIII – начала XIV столетий мог выглядеть значительно скромнее изображенного на широко известной гравюре Э. Дальберга 1657 года, и на это без намёков указывает очень важная и единственная пока фраза в реестре Берестейского замка 1566 года [10]: «На доле в стене жадного будования, вешнему подобного нет, одно коморъ посполитых с засчипками и без зацепокъ всих ест в личбе 75, межи которыми за малимъ замком в правой руке оброни, у пяти коморъ двери з ланцухами, а в одное замокъ нутрний». Этой ключевой связки слов «за малимъ замком» с фразы реестра не выбросить, и она очень многое может разъяснить. Сомнений быть не может: все три берестейские улицы вскрытого подзамкового квартала древнего Берестья XIII века, где в основном проживал ремесленный люд, имеющий к замку самое прямое отношение, могли вести именно в **Малый замок**.

Замок князя Кейстута Гедиминовича

Упоминание Берестейского замка в столь значимой хронике, как хроника Анонима Гнезненского [11], изложенной пером ровесника событий, не может не обратить на себя внимания, что, наряду с такими сильными, как замки Владимира и Белза, называется Берестейский, как укреплённый – *castraque fortiori scilicet Wladimiriam, Byetz, Brescze*. Правда, вызывает некоторое сомнение латинское написание Берестья – *Brescze*, что, видимо, как и написание Белза – *Byetz*, следует отнести к издержкам издателя Соммерсберга. Весьма важное для нашего рассуждения наличие *de facto* укреплённого Берестейского замка в середине XIV столетия наталкивает на вполне законную мысль: Берестейский замок по-прежнему оставался важным стратегическим пунктом Берестейской земли, а значит, его состояние, как оборонного объекта, должно было соответствовать требованиям того времени.

Это подталкивает, в свою очередь, к следующему допустимому мнению, что, начиная с 1340-х годов, а может быть и ранее, замок начинает претерпевать серьёзные изменения в сторону его увеличения и укрепления, к чему могли побудить князя Кейстута Гедиминовича, который к этому времени уже правил Берестейской землёй, также сложившиеся внешние и внутренние военно-политические условия после насильственной смерти последнего правителя Галицко-Волынского княжества Болеслава-Юрия II.

Ремесленный подзамковый квартал, вскрытый П. Ф. Лысенко в 1970-х годах, который примыкал к так называемому **Малому замку** Берестья – сегодняшний археологический музей «Берестье», – как раз на это обстоятельство и может однозначно указывать. Прекрасно сохранившийся в археологическом смысле культурный слой XIII столетия с необычно большим насыщением деревянными артефактами той эпохи, несомненно, свидетельствует, что в первой половине XIV века эта территория могла быть нивелирована для дальнейшего расширения строительства и укрепления замка, похоронив в себе ещё хорошо сохранившиеся остатки жилого квартала, но уже не пригодные для переноса их на новое место. Заметим, сохранившихся деревянных построек XIV века при археологических раскопках не обнаружено, как и не сохранились они в хорошем состоянии в более древних пластах культурного слоя.

Но самый удивительно точный ответ на это предположение даёт замечательный белорусский археолог П.Ф. Лысенко в своём фундаментальном труде «Берестье», повествуя о самых древних берестейских деревянных уличных мостовых, вскрытых им при раскопках[8]:

– Они [уличные мостовые] имеют надёжную датировку вещевым материалом, подтвержденную дендрохронологическим анализом спилов с самой мостовой и с прилегающих построек. Очень хорошо датируются ярусы северной уличной мостовой. Спилов из конструкции 1-го яруса уличной мостовой датируются 1335 г., спилов из 2-го яруса – 1300 г. Одновременные 4-му ярусу уличной мостовой постройки датируются 1284-1297 гг., а постройки, существовавшие ранее 6-го яруса уличной мостовой – 1212 г. Можно предположить, что строительство северной уличной мостовой в Берестье началось в первой четверти XIII в., к 1240 г. были построены два нижних ее яруса, во второй половине XIII в. – очередные два яруса, в 1300 г. – предпоследний, а в 1335 году – последний ярус. Таким образом, смена всех шести ярусов северной уличной мостовой происходила на протяжении более чем одного столетия, а время бытования одного яруса уличной мостовой исчисляется в среднем 16 годами. Подобная частота смены настилов довольно обычна для Древней Руси.

Как не восхититься (!) такой точной датировкой, которая не всегда отыщется и в древних рукописях, так удачно коррелирующей с возможным временем расширения древнего Берестейского замка, построенного князем Руси Владимиром Васильковичем во второй половине XIII столетия. Произнесём ещё раз вслух это предположение:

– Мог ли эту работу по реконструкции и расширению Берестейского замка начать вести литовский князь Кейстут Гедиминович?

– Без сомнения, мог! У него для этого были все предпосылки, так как после присоединения в 1321 году Берестейской земли к Литовскому государству она стала частью удельного Троцкого княжества, которым Гедимин наделил своего способного и сильного сына Кейстута.

Троцкое удельное княжество Кейстута действительно простиралось вытянутой длинной полосой, включая Жемойтскую землю на севере и Берестейскую на юге, таким образом, что создавало укрепленную буферную зону всему государству на западе от агрессивных соседей. Гедимин далеко смотрел вперёд и точно выбрал для управления этими землями одного из своих сыновей, доверяя ему этот форпост защиты своего расширяющегося государства, которое надо было постоянно укреплять. Ведь после того, как Гедимин свою столицу из Троков перенёс в Вильню, Троки остаются за его сыном Кейстутом и становятся столицей его удельного княжества. Но строительство Троцкого замка или замков как раз и относят к XIV столетию, т. е. ко времени Кейстута. Тогда и корни расширения и укрепления Берестейского замка нужно искать здесь в Троках, а не в другом месте. Кейстуту при сложившихся обстоятельствах после смерти Болеслава-Юрия II в 1340 году укрепленное Берестье необходимо было как воздух. Так как Берестье замыкало вместе с Городней, Новгородком и другими линией укрепленных замков на западных рубежах нового государства. Смысл укрепления Берестья на самом деле был очень актуальным и важным для Кейстута.

Датировка и положение построек в культурном слое раскопанного Берестья на основании дендрохронологического анализа показывает, что только верхние яруса мостовых и некоторых построек попадают в первую четверть XIV века.

Такая случайность совпадений, как и смелость самого предположения, конечно, не могут претендовать на исключительную правдивость, но могут явиться рабочей гипотезой для поиска более точных фактов и обоснований, несомненно, последовавшего на каком-то этапе расширения и реконструкции Берестейского замка, каким мы его видим на известной гравюре 1657 года Э. Дальберга.

Башня с часами князя Миколая Радзивилла Чёрного

Сведения о завершающем формировании Берестейского замка находим в «Описании старства Берестейского 1566 года» [10], где на стр. 253 указанного источника с удивлением обнаруживаем «Повѣнност тихъ конюховъ»:

– Тимъ конюхомъ на службу конюскую водле листу е.к.м. дано по две волоце волнихъ от плату всякихъ иннихъ повинностей визволенихъ до воли и ласки е.к.м., которыхъ всѣхъ волокъ оселихъ сто и чотири, то ест службъ петдесят две, съ которыхъ они водле стародавнего звичаю и повинности своей службу конюскую в Коруне Полской и великомъ князствѣ Литовскомъ [л. 57 об.] при дворе е.к.м. и королевой ей милости, также и в Берести при битности ихъ к.м. уставичне полнити и вежу одну замку Берестейского в пят стаень замковыхъ будовати повинни...

Подсказка А.Д. Никитчика оказалась как никогда здесь своевременной, который, рассматривая один из возвращённых к новой жизни белорусских раритетов «РАДЗІВІЛЫ. Альбом партрэтаў XVIII-XIX стагоддзяў «Icones Familiae Ducalis Radivilianae» [12], на 66-м развороте альбома под портретом Миколая Радзивилла Чёрного в длинном перечне его регалий прочитал: «... Arcis Bresten. Restaurator...». Таким образом, есть все основания предположить, что последний «камень» в формировании Берестейского замка остался за берестейским старостой князем Миколаем Радзивиллом Чёрным [12]:

– **МИКОЛАЙ VI РАДЗИВИЛЛ ИЗ МУСНИКОВ, НАЗВАННЫЙ ЧЕРНЫМ. КНЯЗЬ НА ОЛЫКЕ, НЕСВИЖЕ, КЛЕЦКЕ. КАРЛ V, РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР, КАК ПОСЛУ РЕСПУБЛИКИ ВРУЧИЛ ЕМУ ТИТУЛ КНЯЗЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В 1547, ПОДТВЕРЖДЕННЫЙ СИГИЗМУНДОМ АВГУСТОМ, КОРОЛЕМ ПОЛЬСКИМ. МАРШАЛОК ВКЛ – 1549. ВОЕВОДА ТРОКСКИЙ, СТАРОСТА ОТ 22 ДЕКАБРЯ 1550. КАНЦЛЕР ВЕЛИКИЙ ЛИТОВСКИЙ – 1551, ВОЕВОДА ВИЛЕНСКИЙ – 1553. ОТ ИМПЕРАТОРА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ КАРЛА V, ВНУКА ФЕРДИНАНДА I, ПОЛУЧИЛ ТИТУЛ ГРАФА В ШИДЛОВЦЕ, СТАРОСТА БЕРЕСТЕЙСКИЙ, БОРИСОВСКИЙ, КОВЕНСКИЙ, ШАВЕЛЬСКИЙ. МНОГИХ ВОЕННЫХ БАТАЛИЙ ПОБЕДИТЕЛЬ. СЫН ИОАННА (ЯНА) II, УМЕРШЕГО В 1522, И АННЫ ИЗ ТЕХАНОВЦА КИШКИ, ГЕРБА ДОМБРОВА, ДОЧЕРИ ВОЕВОДЫ СМОЛЕНСКОГО, КНЯЗЕЙ РАДЗИВИЛЛОВ, КАШТЕЛЯНОВ ТРОКСКИХ, МАРШАЛКОВ ВКЛ. ФУНДАТОР ЗАМКА ОЛЫКСКОГО И КАПЕЛЛЫ ВИЛЕНСКОЙ И РЕСТАВРАТОР ТВЕРДЫНИ БЕРЕСТЕЙСКОЙ. РОДИЛСЯ В НЕСВИЖЕ 4 ФЕВРАЛЯ 1515. УМЕР В ЛУКИШКАХ 28 МАЯ 1565. ПЕРЕВЕЗЕН В ДУБИНКИ ЖЕНОЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ (ЭЛЬЖБЕТОЙ) ШИДЛОВЕЦКОЙ.**

Берестейская твердыня (Arcis) это и есть Берестейский замок, реставратором которого, скажем более определенно, последним реставратором которого – был князь Миколай Радзивилл Чёрный, староста Берестейский. Строительство в Берестейском замке Зекгаревой вежи с башенными часами, первыми в Беларуси, становится совершенно понятным и логичным.

Таким образом, в реестре Берестейского замка, составленном королевским ревизором Дмитрием Сапегой в 1566 году, находим окончательно сформировавшиеся контуры Берестейского замка [10]: «**Вежь замковыхъ пять направныхъ: На одной зекгарь одъ места, (л. 292) который завжди бьетъ. Другая вежа од Мухавца на востодъ сонца; третей одъ Замуховечя наполь до полудне; четвертая от Буга на полудне летнее; пятая над броною старою зъ кганкомъ на верху, на которой на верху звонъ великий з Вол[ы]ни привезенихъ.**

Осада Берестья шведами в 1657 году

Э. Дальберг в своём дневнике напишет [13]: «Вернулся к Королевской Милости, который всё это сам видел. Немало мне досталось ругательств! Несмотря на то, что так хорошо мне удалось осмотреть местность и вернуться назад без вреда. Я убедил короля, что Мухавец в том месте не очень глубокий, а сами городские стены, кроме того естественного прикрытия, не очень укреплены. Так что, если бы Король Его Милость сосредоточился на этом самом месте, то мог бы без большого риска именно там ударить. Я владел немецким и предупреждал их на этом языке. Поняли и напугались, потому что мне сразу же отвечали. Это подтвердилось позже, потому что когда мы начали бить с орудий, они выслали послов для соглашения. Капитуляция состоялась ещё в тот самый день. Под вечер каштелян вышел из замка, чтобы поцеловать королевскую руку».

Берестейский замок сдался, сдался практически без сопротивления, посчитав последнее бесполезным. Судить об этом проще всего, поэтому судить сдавшихся не станем, наверное, в создавшейся ситуации это был не худший вариант, и, наверное, осаждённому совсем не было ведомо о вступлении Дании в войну против Швеции. Тем не менее, Берестейский замок сдался, и сегодня мы можем внимательно с этими условиями сдачи, замка и города, благодаря и с разрешения белорусского историка А. Котлярчука, работающего в Швеции, познакомиться. Как он сообщает, этот документ отыскан достаточно случайно и до этого белорусским историкам был неизвестен. Сам документ написан на старонемецком языке, его перевод на русский язык осуществил Михаил Венкович [14]:

Соглашения – пункты, передачи города и замка

БЕРЕСТЬЯ ЛИТОВСКОГО [BRESCIE LITEVSKI]

**Их Королевскому Величеству Швеции и Их Княжеской Светлости Трансильвании,
заключённые в году 1657.**

I.

Город Берестье должен быть передан без промедления после принесения клятвы на верность Их Королевскому Величеству Швеции и Князю Трансильвании, однако каждому должна быть оставлена свобода, как духовной, так и светской жизни вышеназванным князем.

II.

Обеими сторонами решено, что все и каждый в том же городе, находящийся в составе гарнизона будь то польской или иной нации, так, прежде всего, распорядился Их Королевское Величество Швеции, служившие Курфюсту Брандербургскому, Князю Трансильвании или также Принцу Радзивиллу, без различия, взятые в плен или перешедшие с лошадьми, пешком, драгуны или артиллеристы, или бывшие до сих пор на других услугах в польских службах, кроме некоторых высших офицеров, захваченных по военному праву вместе с флагами, литаврами, оружием, без оговорок должны быть опять приведены в подчинение Их Королевскому Величеству Швеции и союзников.

III.

Другим польским солдатам, однако, не служившим Их Королевскому Величеству, Курфюсту и обоим другим Князьям, должно быть предоставлено право покинуть город с развёрнутыми флагами, мушкетами и готовыми к употреблению фитилями, а также собственной домашней утварью.

IV.

Орудия, порох, провиант, и всё, что имеет отношение к защите города и замка, а также для поддержания гарнизона, должно быть оставлено в городе и предоставлено в свободное распоряжение Их Королевскому Величеству и Князю Ракоцы, кроме 6-ти каштеляна и 2-х небольших полевых орудий.

V.

Тем из шляхты, которые хотят остаться верными Их Королевскому Величеству и Высокопочтенному Князю, должна быть предоставлена не только безопасность их домов и владений вне и внутри города, как также всем отсутствующим, но желающим вступить в такое повиновение, равно, как и той и другой шляхте, должны быть оставлены их старые свободы, права и привелегии, если начнут они только мирную жизнь и не будут предпринимать ничего враждебного.

VI.

Для пущей безопасности Их Королевскому Величеству и Ракоцы следует немедленно после подписания этого документа открыть ворота города в месте подписания этого трактата и эвакуировать польских солдат, вместе с тем передав близлежащие укрепления в сохранности.

VII.

Если затем по истечении 3-х дней со дня подписания польский гарнизон и солдаты уйдут, то для содержания города и замка Князь Трансильвании должен назначить коменданта вместе с подчинённым ему гарнизоном.

VIII.

Для большей безопасности уходящего польского гарнизона и чтобы никто не смог им отомстить, Их Королевское Величество вместе с Князем Трансильвании хотят предоставить 300 всадников, которые должны сопровождать их до Пружан.

Для пущего удостоверения вышеназванных статей &c.

Составлено в полевом лагере под Берестем 16 мая 1657 года.

Без сомнения, один из интереснейших документов нашей истории, который впервые публикуется с полным переводом на русский язык и который, заметим, нашёлся в зарубежном архиве, как, наверное, десятки или сотни других, которых мы ещё не прочитали. Только открыв для себя эти до сих пор неведомые исторические свидетельства, мы в той или иной степени сможем прояснить собственный путь в историческом пространстве без всяческих идеологических маскировок и сделать достойные выводы о принадлежности к той стране, в которой живём. Оставляя документ без комментариев, заметим, шёл военный 1657-й год, в котором и начался собственно постепенный упадок Берестейского замка.

Эпилог

Поставил последнюю точку в этом трагическом событии для нашего города и замка московский князь Иван Хованский по кличке Тараруй, род которого происходил от литовского князя Гедимина. Российский историк Олег Курбатов об этой трагедии сообщает следующее [15]:

– Обрадованные отходом неприятеля, «брестские сидельцы» стали праздновать: пехоте было выдано вино из гетманских запасов, а шляхта устроила бал и пир. В ночь на 3 января 1660 г. один из заключённых в замке русских пленных (Жалование за полное терпение получили в марте 1660 г. 26 «брестских сидельцев» [РГАДА. Ф. 396. Оп.2. Д. 313. Л.43, 44 об.]) сумел выбраться за стены и предупредить Хованского, «что все пьяны». Тот немедленно, «имея с собой лестницу», доскакал до Бреста, начал приступ и на сей раз взял город. Его «выжгли и высекли», не пощадив и многих мирных жителей: «женщин и мужчин, шляхту и не шляхту, взрослых и малых, даже грудных детей в том местечке и замке немилосердно поубивали». Тела убитых (от 1700 до 1900 человек) были брошены без погребения в ров крепости [Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów. Wrocław, 1961, s. 273, 274; Walewski A. Historia wyzwolenia Rzeczypospolitej. Kraków, 1872. T. II. S. 144, 145; Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. Wrocław, 1968. S. 288]. Коменданта, ротмистров и ряд других пленников (всего 50 человек) Хованский отправил в Москву [РГАДА. Ф. 210.

Оп.17. Д. 73. Л.125-130]. Русские потери были невелики: М. Обухович справедливо записал, что Брест достался им малой кровью. Узнав о победе, Алексей Михайлович велел боярину построить и освятить в Бресте церковь во имя архистратига Михаила [РГАДА. Ф. 27. Оп.1. Д. 166. Л.5], вероятно, в память о событии 1655 г.

К этому сообщению следовало бы также добавить свидетельство австрийского офицера, которое приводит польский историк Кшиштоф Касажецкий [16]:

– Следы жудосной резни, устроенной в Берестейской фортеции, были хорошо видны ещё длительное время. В январе туда прибыл австрийский офицер, капитан Розенштейн, посланный генералом Готфридом Гайштером, одним из руководителей кейзеровских войск, которые квартировали в то время на Подляшье. Капитан сложил о своём посольстве детальный рапорт, в котором также большой кусок посвятил событиям, что произошли в добытом Берестье, тому, что там видел и своим размышлениям относительно способа ведения войны московцами.

Этот рапорт потом цитировал Гайштер, приводя, меж другими, следующие слова капитана Розенштейна: «Что касается поведения московцев, я убедился... почти своими глазами, что они против своих неприятелей, воюют убийствами, пожарами и огнищами. Последние сморкачи с московского войска не прощают ни городам, ни замкам, ни деревням, но всех жителей без разницы: женщин, мужчин, шляхту, ни шляхту, взрослых и малых, даже младенцев при грудях в этом городе [в Берестье] и в замке беспощадно поубивали, некоторым руки и ноги связали и живцом поджаривали, некоторых палками и корбами приказывали забивать на смерть. И действительно, около 1700 трупов, т. е. голов, вытянутых из замка, покрытых соломой и непогребённых ещё лежало перед нашим отъездом. Пожелай им, Боже, в последний день приблизить к спасению» [Walewski A. Historia wyzwolonej Rzeczypospolitej wpadajacej pod jarzmo domowe za panowania Jana Kazimierza (1665-1660). Krakow, 1872. Т. II. S. 145; Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamieci. Wroclaw, 1968. S. 288].

«Ревизия с инвентарём Берестейской экономики, замка, городов, фольварков и всей волости, принадлежащей ей, выполненная в 1668 году»[17], которая удивительным образом отыскалась в Национальном государственном архиве Республики Беларусь, бесстрастно в 1668 году зафиксировала:

ЗАМОК БЕРЕСТЕЙСКИЙ [Brzeski] (перевод с польского).

В ТОМ [ЗАМКЕ] НЕ ИМЕЕТСЯ НИ ОДНОГО СООТВЕТСТВУЮЩЕГО СТРОЕНИЯ, ТОЛЬКО ДВЕ ХАТЫ, В КОТОРЫХ ПРОЖИВАЕТ ЧЕЛЯДЬ ПАНА ГОРОДНИЧЕГО И ШОПА, В КОТОРОЙ ЛЕЖИТ ПУШКА. ВАЛЫ, РОЦДЕЛИ [первоначальные формы каменных бастионов в виде многоугольника без задней стенки], ТАЙНИКИ И ВСЯ ФОРТИФИКАЦИЯ, ИЗ-ЗА НАШИХ ЖОЛНЕРОВ И ИЗ-ЗА МОСКВЫ СКОНЧИЛАСЬ, В ЦЕЛОМ ВСЕ ВАЛЫ В РУИНАХ.

Таким вот образом Берестейский замок подвёл итог своей многовековой истории и больше уже не сумел восстановить ни своего величия, ни своей значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицко-Волынская летопись / Под редакцией Н. Ф. Котляра. – Санкт-Петербург, 2005. – 424 с.
2. Kronika polska, litewska, žmódská i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. // Zbiór dziejepisów polskich, t. II, 1766. Warszawa, 1846. – Т. I. - S. 203.
3. Długosz, Jan. Dzieje Polski. – Krakow, 1868. – Т. II. – 367 s.
4. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. / Под редакцией В. Л. Янина. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – С. 122-123.
5. Ткачѳв, М. А.. Замки Белоруссии. – Минск, 1987. – 224 с.; М. А. Ткачѳв. Замки Беларуси. – Минск, 2005. – 200 с.
6. Лысенко, П.Ф. Туровская земля IX – XIII вв. – Минск, 2001. – 200 с.
7. Энцыклапедыя ВКЛ. – Мінск, 2005. – Т. 1. – С. 318-319.
8. Лысенко, П. Ф. Берестье. – Минск, 1985. – 400 с.
9. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья. – Минск, 2007. – 192 с.
10. Описание староства Берестейскаго 1566 года. – Из кн.: Документы Московского архива Министерства юстиции / Под ред. М. Довнара-Запольского. – М., 1897, – Т. 1. С. 205-448.
11. Анонимъ Гнезненский и Иоаннь Длугошь. Сочинение Дениса Зубрицкого. Львовъ, 1855.
12. Радзівілы. Альбом партрэтаў XVIII – XIX стагоддзяў. Icones Familiae Ducalis Radivilianae. – Мінск, 2010. – Ліст 71.
13. Алесь Белы. Невядомыя эпізоды “невядомай вайны”: Ваенныя дзеянні Швецыі супраць ВКЛ у 1656-1657 гг. вачыма Эрыка Дальберга // Спадчына, № 3. Менск, 1999.
14. ACCORDS – PUNCTA, so den Übergebung der Stadt und Schlosses BRESCIE LITEVSKI. An Ihr. Königl. Majest. zu Schweden und Ihr. Fürstl. Durchl. Siebenbürgen geschlossen. Im Jahr 1657 // National Library of Sweden (Kungliga bibliotekat). Перевѳл на русский язык М. Венскович (документ предоставлен и печатается с разрешения А. Котлярчука).
15. Курбатов, О.А. «Литовский поход 7168» кн. И.А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г.// Славяноведение. – 2003. – № 4. – С. 25-40.
16. Касажэцкі, Кшыштаф. Кампанія 1660 году ў Літве. // ARCHE. – 2011. – С. 117-118.
17. Revisia z Inwentarzem Oekonomiey Brzeskiej: Zamku, Miast, Folwarkow u wszystkiey Wlosci do niey nalezacey, w Roku 1668 odprawiona. НГАБ. Мінск. Ф. 1928. Воп. 1. Спр. 36. Арк. 1-5. (Архіўная копія прадастаўлена Брэсцкай абласной бібліятэкай ім. А.М. Горкага).